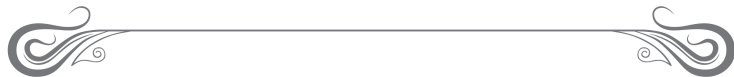

НИКОЛАЙ СВЕЧИН

**ПУЛЯ
С
КАВКАЗА**

Москва

ДЕТЕКТИВЫ НИКОЛАЯ СВЕЧИНА

Читайте все книги НИКОЛАЯ СВЕЧИНА об АЛЕКСЕЕ ЛЫКОВЕ:

1. Завещание Аввакума
2. Охота на царя
3. Роковые числа
4. Хроники сыска
5. Выстрел на Большой Морской
6. Пуля с Кавказа
7. Дело Варнавинского маньяка
8. Варшавские тайны
9. Мертвый остров
10. Убийство церемониймейстера
11. Московский апокалипсис
12. Туркестан
13. Удар в сердце
14. Темные всадники
15. Дознание в Риге
16. Касьянов год
17. Лучи смерти
18. Тифлис 1904
19. Банда Кольки-куна
20. По остывшим следам
21. Фартовый город
22. Узел
23. Случай в Семипалатинске
24. Одесский листок сообщает
25. Столица беглых
26. Восьмое делопроизводство
27. Кубанский огонь
28. Взаперти
29. Паутина
30. На краю
31. В отсутствие начальства
32. Как Лыков не стал генералом
33. Уральское эхо
34. Дела минувшие
35. Ледяной ветер Суоми
36. Мечь – блюдо горячее
37. Адский прииск

НИКОЛАЙ СВЕЧИН

**ПУЛЯ
С
КАВКАЗА**

Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С24

Свечин, Николай.

С24 Пуля с Кавказа / Николай Свечин. — Москва :
Эксмо, 2025. — 352 с.

ISBN 978-5-04-221739-5

Коллежский ассессор Алексей Лыков, прославленный в боях и получивший семь страшных ранений, только успел жениться на своей давней любви Вареньке Нефедьевой, как его командируют на Северный Кавказ.

Лыкову вместе с его другом и коллегой бароном Виктором Таубе предстоит изловить эмиссара турецкой разведки, который угрожает внешней безопасности Российского государства. Лыков не раз окажется на гибельном краю, сразится с абреками, и все это — на фоне живописнейшей природы и гор Дагестана.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-221739-5

© Свечин Н., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

КОМАНДИРОВКА

14 мая 1885 года коллежский ассессор Лыков пришел на службу в Департамент полиции, но до своего места добраться не успел. Курьер из канцелярии передал ему приказание вице-директора Благово — немедленно явиться к нему. Пожав молодецкими плечами — и без того ежедневно в десять часов утра он пивал у начальника и учителя чай, — Алексей отправился на второй этаж. Что еще за срочность такая?

Вице-директор встретил его притворно сердито.

— Ишь, выучился службой манкировать! Десять минут тебя уже жду.

— И напрасно гневаться изволите, — ответил Лыков, фамильярно усаживаясь на стул. — Опоздал я всего на четыре минуты — и по уважительной причине. Разве от них оторвешься? Вцепились все трое и не пускают. Насилу выбрался.

Полтора года назад Алексей женился наконец на своей давней любви, Вареньке Нефедьевой. Спустя положенный срок у счастливых молодоженов родились близнецы, два мальчика. Именным указом императора им была присвоена фамилия Лыковы-Нефедьевы. Заповедное име-

ние, бывшее до той поры выморочным¹, было передано им в собственность, а Лыков назначен опекуном. Сенат три месяца размышлял над столь необыкновенным случаем: как делить майоратное имение, ежели наследники его — близнецы. В порядке исключения установили равные права для обоих — авось не подерутся. Теперь по утрам плечистого папашу провожали на службу красавица жена и пара крепких карапузов. От таких и правда скоро не оторвешься...

— Чай уже пил?

— На ваш рассчитывал. А вы вон ногами топаете, придираетесь к маленькому человеку...

— В гостях изопьешь. Ежели угостят. Едем в Военное министерство, прямо сейчас.

— А барона Витьку там увидим?

— Увидим. И вообще: чего это ты расселся перед камергером? Ох, распустил я кадр...

Через полчаса на Адмиралтейской набережной, 12 состоялось секретное совещание. Открыл его генерал-адъютант Обручев, начальник Главного штаба и председатель Военно-Ученого комитета². Присутствовали:

¹ Заповедное имение — русский майорат. Переходит старшему в роду мужчине; его нельзя делить, продать, заложить в банк или проиграть в карты. Выморочное имение — не имеющее наследников на момент смерти владельца — поступало, постоянно или временно, в собственность казны.

² Военно-Ученый комитет Военного министерства — русская военная разведка.

директор канцелярии ВУК генерал-майор Енгальчев, подполковник Таубе, действительный статский советник Благово и коллежский ассессор Лыков.

— Итак, господа, — начал сиплым голосом Обручев, — мы собрали сегодня представителей двух министерств: военного и внутренних дел. Это потому, что задача у нас такая, она находится на стыке полномочий. Надо прикрыть шайку абрека Малдая. Местная власть не может справиться с ней вот уже три года; им требуется помощь. Сия операция — для Департамента полиции (короткий кивок в сторону гостей). Однако в окружении Малдая состоит эмиссар турецкой разведки. Источники называют его «старик в желтой чалме»; имя нам неизвестно. Старик заправляет в шайке и является ее негласным вожаком; абрек — подставное лицо. И это знаменитый Малдай из Бахикли! Что же за старик такой? Абречество для него, видимо, лишь прикрытие, а занимается он шпионством. А это уже относится к ведению нашего министерства, точнее, Военно-Ученого комитета.

Обручев перевел дух, оглядел своих собеседников, долее всех задержал взгляд на Лыкове.

— Алексей Николаевич, вы ведь уже бывали на Кавказе ранее?

— Так точно, ваше высокопревосходительство. Сначала воевал с турками, а после излечения от ранения ловил абреков в Андии¹ и Ичкерии. Кроме того, дважды с Ле-

¹ Ан д и я — высокогорная область в Северном Дагестане.

тучим отрядом Департамента полиции вычищал Пятигорск.

— Ну вот, значит, места вам знакомы. А напомниме, когда вы с бароном фон Таубе последний раз взаимодействовали?

— Хм... В феврале 1881 года в Нижнем Новгороде. Предотвратили покушение на покойного государя.

— Готовы отправиться с ним в Дагестан в составе нашего отряда?

— С бароном Таубе — хоть к черту в пасть, ваше высокопревосходительство.

Генерал-адъютант удовлетворенно кивнул.

— Тогда договорились. Как вы знаете, Дагестанская область выведена из гражданского управления и подчинена Военному министерству. Поэтому начальником отряда назначается подполковник, барон фон Таубе. Коллежский ассессор Лыков утвержден его помощником. Секретный приказ о вашей командировке, Алексей Николаевич, уже согласован с министром внутренних дел и вчера подписан военным министром. Вот, ознакомьтесь.

Благово вместо Лыкова принял приказ из рук генерала и принялся внимательно его изучать.

— Какая вооруженная сила будет включена в отряд? — спросил Алексей.

— Взвод казаков с урядником, плюсом два горца в качестве проводников, — ответил Енгалычев. — Представитель от начальника Дагестанской области. И офицер разведочного отделения штаба Кавказского военного

округа. Он абадзех, сирота, усыновленный русским семейством. Зовут Даур-Гирей. Он по службе хорошо осведомлен о положении дел в Дагестане и станет вам незаменимым сотрудником.

— Абадзех? Годится, — откомментировал Лыков. — Самая достойная на Кавказе народность.

— Старик в желтой чалме — что о нем известно? — вступил в разговор Благово. Военные, точно по команде, все разом скривились.

— Толком ничего, — буркнул Таубе. — Одни лишь слухи.

— Давайте слухи.

— Судя по всему, старик долго жил в Турции и занимал там серьезные должности. Абреки называют его «сартип».

— Полковник, — пояснил Лыков Павлу Афанасьевичу.

— Появился дедушка в горах неведомо откуда примерно в то же время, что и Малдай.

— Мы навроде эту птицу уже ловили? — опять вмешался Лыков. — Я сам за ним гонялся, правда, поймали его другие.

— Так точно. Малдай из Бахикли — это такое село в Андии, — впервые выступил против нас еще в 1860 году, во время восстания в Северном Дагестане. Генерал Евдокимов бунт подавил, аул сжег, а нашего приятеля сослал в Вологодскую губернию. В 1877 году, при начале турецкой войны, Чечня и Дагестан опять взбунтовались. Горцы, подстрекаемые турецкими эмиссарами, желали ударить в спину русской армии, которая резалась под Карсом и Ко-

булетом. Малдай к тому времени уже отбыл ссылку, вернулся и снова возглавил одну из шаяк. Нам было тогда не до повстанцев, и они успели поэтому достичь значительных успехов. Но, покончив с турками, армия обернулась к бунтовщикам и быстро всех передушила. Как раз тогда, Алексей, ты и гонялся за Малдаем Бахиклиским. А поймал его знаменитый теперь Комаров, тогда еще полковник. Злодей поехал на этот раз в Тобольскую губернию. При коронации 1883 года государь даровал амнистию всем ссыльным повстанцам, и вот результат: Малдай снова в горах... Теперь он абрек, верховодит шайкой из тридцати головорезов и состоит на довольствии у турецкой разведки.

Раздосадованный подполковник замолчал. Поскольку его слова прозвучали как косвенная критика действий государя, в разговоре возникла неловкая пауза. Через минуту Таубе продолжил:

— Но дело не в этом неумном чеченце, а в старике, что стоит за ним. Абрека, в конце концов, можно просто застрелить. А вот сартип в желтой чалме... Вы помните, кому полагалась такая при Шамиле?

— Ну ты спросил, — развел руками Лыков. — Шамяля взяли в плен, когда мне едва минуло два года.

— В Имамате¹ желтые чалмы полагались наibaм, — неожиданно пояснил Благово.

¹И м а м а т — теократическое государство, созданное на Северном Кавказе имамом Шамилом в 1843—1859 годах и воевавшее с Россией.

— Наибам? Это, кажется, что-то вроде горских губернаторов?

— Да, начальники отдельных областей, подчинявшиеся непосредственно Шамилю. Скорее они похожи на наших генерал-губернаторов, чем на губернаторов, поскольку у себя в наибстве они ведали также и военной силой. В разные времена число их доходило до пятидесяти. Самые доверенные у имама были люди! Неужто наш дедушка из них? И по возрасту подходит.

— Я повторюсь, Павел Афанасьевич, — продолжил Таубе, — что точных сведений об этом человеке у нас нет. Мы можем только строить догадки. Самая неприятная из этих догадок вот какая: наш источник однажды слышал, как старик говорил по-русски. Очень чисто, без малейшего акцента.

За столом опять повисла пауза. Сыщики переглянулись, военные скрипнули зубами.

— Ну, что ж, — сказал Благово. — Неприятно, но не удивительно. У Шамиля наших много было. Газеты не любили об том писать... И далеко не все из них приняли ислам, многие так и остались в Христовой вере.

— В какой еще вере, ежели они своих убивали! — рывкнул Енгальчев. — Ты, Паша, такими словами-то не бросайся. Христова вера... Изменники Бога не имеют!

— Ну, основная часть, конечно, были черту племянники, — согласился действительный статский советник. — Ни Аллаху, ни Христу не кланялись. Но факт тот, что в горах русских было много. Так?

— Так, — согласился Обручев. — Это было частью политики Шамиля. Он приказал дружески принимать всех дезертиров и беглых. Им давали хлеб, кров, семена, даже землю, что в горах самое ценное. Для этих целей Шамиль выкупал надель у сельских обществ. Русских женили на туземках. Если беглый принимал магометанство, это особенно приветствовалось; но никого не заставляли менять веру насильно. В захваченных крепостях Шамиля мы везде находили православные храмы, моленные дома старообрядцев. И еще костелы. Поляки перебежали к имаму особенно охотно, целыми взводами и ротами, вместе с офицерами. У Шамиля воевал польский легион численностью в четыре сотни человек! Но речь не о них. Старик в желтой чалме на ясновельможного пана не похож. И на горца тоже.

— И на горца не смахивает? — заинтересовался Благово. — Как же можно говорить об этом с уверенностью? Пожилые люди как облысеют — все на одну колодку!

— Отличить нетрудно, — усмехнулся Таубе. — Пятьдесят пять лет тому назад некий поручик Новицкий проделал, по поручению князя Паскевича, крайне опасную командировку: он пересек горы Западного Кавказа с севера на юг и вышел к Анапе. Для этого поручик обрил голову, отпустил бороду, весь перепачкался в грязи. Путешествовал во вражеских горах он под видом глухонемого нукера, поскольку языков не знал. Туземцы разоблачили его по мозолям на ногах.

— Как «по мозолям»? — удивился Благово.

— Горцы носят мягкую обувь и мозолей у них не бывает, — пояснил Лыков.

— Новицкий спасся чудом, — продолжил барон. — Имеется еще один очень верный признак, лучше любых мозолей, чтобы отличить мытых от невымытых. Скажи, Алексей, чем пахнут горцы?

— Пахнут? Верно... Павел Афанасьевич, подтверждаю: все природные кавказские туземцы имеют один общий запах. Ни с чем не спутаешь. Они насквозь пропахли черемшой или диким чесноком.

— Чесноком?

— Да. Туземцы истребляют его в огромных количествах ежедневно, особенно летом. Конечно, амбрэ у горца более сложное: тут и бараний жир, и конский пот, и порошок; но наиболее всего — черемша. И европейца, пусть даже обряженного в горский костюм, легко отличить именно по запаху.

— Значит, старик в желтой чалме чесноком не пахнет, — констатировал Благово.

— А на поляка не похож потому, что принял ислам, — пояснил барон. — Сами знаете — паны этим не грешат. Значит, русский дезертир.

— Вопрос с русским на службе у Шамиля старый и болезненный, — продолжил разговор Енгальчев. — С той поры уж столько лет прошло; почти все участники повимерли. Но старые кавказцы их помнят и люто ненавидят. Именно беглые русские обучили войско имама, создали ему артиллерию, строили со знанием саперного дела

крепости и завалы. Рассказывают, что даже без поляков чисто русских дезертиров в горах было более тысячи человек. И многие из них показали себя как настоящие звери... Добивали раненых, пытали пленных. Бежали то самые отбросы! Среди русских мюридов¹ находились даже офицеры! В 1843 году прапорщик Залетов из Тифлисского пехотного полка сдал горцам аул Ахальчи с нашим гарнизоном. Перебил ночью караул и открыл ворота... Две роты попали в плен со своими командирами; кто пытался сопротивляться — был зарублен. А бывший сотник Лабинского полка Атарщиков любил, надев мундир, разъезжать по нашим тылам на Кавказской линии и брать «языков». В 1844 году он захватил и увез в горы поручика Глебова, адъютанта самого генерала Нейгарда, командующего Кавказского корпуса. Вообще же история с дезертирами (туземцы называли их «наши русские») темная. Верных сведений очень мало. Мы знаем, например, что картографами у Шамиля были три офицера Генерального штаба: два поляка и один русский. Но имена их неизвестны. В строю состоял и воевал с нами целый русский батальон. Батальон! Начальник его, а также ротные и взводные командиры все были офицеры! Немыслимо! Артиллеристы тоже были наши дезертиры. Когда в 1859 году Шамиля наконец добились, в его павших крепостях насчитали 52 орудия! Половина самодельные, а половина забрана у нас. Рядовой канонир не сможет от-

¹ М ю р и д ы (букв. воители за веру) — название солдат Шамиля.

лить орудие и даже не сумеет метко из него стрелять; требуется знать математику, физику, баллистику. А они умели... В 1845 году светлейший князь Воронцов захватил и сжег столицу Имамата — аул Дарго. В нем обнаружили так называемую Солдатскую слободу, застроенную русскими избами. В слободе были костел, православный храм и моленный дом для старообрядцев. А еще ткацкая фабрика, пушечный двор, мастерская для отливки ядер... У горцев оказались даже конгриевы ракеты!¹

— Ты рассказываешь о делах давно минувших, — умерил пафос генерала Благово. — Сорок лет прошло; пора позабыть. Кости Шамиля уже истлели в земле.

— Вы полагаете, что старик в желтой чалме — из них? — спросил Енгальчева Лыков. — Не умер и не унялся? Офицер?

— Очень похоже, — кивнул генерал. — Беглый крестьянин не выслужился бы у турок в полковники. Солдат-дезертир? Сбежал бы с Кавказа после падения Шамиля от греха подальше. А тут всю жизнь вредить России! Почти полвека положить на борьбу. Нет, тут враг, враг идейный, и он не уйдет на пенсион.

— Как же он спасся, когда пал Гуниб?² Дезертиров разве не судили?

¹ Конгриевы ракеты — реактивное оружие XIX века. Стреляли зажигательными снарядами.

² Аул Гуниб — последняя резиденция имама Шамиля. Был взят штурмом русскими войсками 25 августа 1859 года. С его падением завершилось покорение Северного Кавказа.

— За это мы должны благодарить князя Бярятинского. Когда его войска пошли на штурм последнего оплота Шамиля, у того оставалось не более 400 верных мюридов. Больше половины из них были русские перебежчики, причем такие, которым сдаваться было никак нельзя — руки по локоть в крови. Имама тогда предали все. Самые верные наибы переметнулись к нам. Обоз с золотой казной разграбили свои же аварцы. Князю следовало бы перебить тех, кто отказался сложить оружие, и выжечь скверну дотла. Сил было предостаточно. Но он решил сделать подарок императору ко дню рождения, и каждый час был важен; могли опоздать на день-другой. И князь затеял переговоры об условиях капитуляции, вместо того чтобы отдать приказ «в штыки!». Вот хитрый старик и выпросил у Бярятинского прощение всем, кто оставался с ним в Гунибе. Так шестьдесят изменников, дезертиров, беглых каторжников ушли от возмездия. Многие потом попались на других преступлениях — они же ничего более делать не умели; но главные улизнули. Мы, военная разведка, знаем кое-кого поименно. Их тайно ищут все сорок лет и будут искать, пока жив хоть один предатель. Бывшие офицеры самые идейные и самые опасные из них. Ведь не туркам же служит старик-сартип; за турками стоят англичане. Всегда и везде, где только начинаются козни против России, проглядывает британский след. Вот давеча поймали Алпатова...

— Кто таков?

— Дезертир из моздокских казаков. Редкий мерзавец. Как и Атарщикова, любил лихачить в наших тылах в полной форме. Нападал на тех, кто ехал без конвоя, грабил и уводил в рабство. Прославился тем, что в 1842 году похитил жену полковника Попова. Пришлось ее, бедную, потом за большие деньги выкупать. Сидел с Шамилем в Гунибе, был отпущен князем Барятинским и сбежал в земли адыгов. В 1864 году Западный Кавказ был очищен от горцев, и Алпатов надолго пропал. Появился в 1877 году под Баязетом, где убивал наших раненых и пленных. Вместе с сыном Шамиля, Кази-Магомой... После перемирия опять исчез. Год назад мы получили интересное сообщение. С пассажирских пароходов, направляющихся из Турции в крымские порты, отпускают в море почтовых голубей. Те летят над Черным морем напрямик в британское посольство в Константинополе, заучивают маршрут. Понятно, для чего?

— На случай войны?

— Именно! Англичане готовят пути для пересылки шпионских сведений от своей агентуры. Мы начали следить за голубятниками и арестовали в Феодосии их человека. Это и оказался давно разыскиваемый Алпатов. Так что, господа, все очень серьезно.

— Ладно, — подытожил Обручев. — Задача вам понятна. На сборы Таубе и Лыкову даю 48 часов. Письменные инструкции получите завтра у генерала Енгальчева. Подъемные, господин коллежский ассессор, возьмете в своем департаменте. Вы временно, на три месяца, прико-

мандированы к Военному министерству с сохранением жалованья по МВД. Уж покорнейше прошу простить — у нас режим экономии... Черт бы его побрал! Указания вашего министра графа Толстого вы обязаны выполнять только в той части, в которой они не противоречат полученным инструкциям. Все ясно?

— Здорово, ваше высокопревосходительство, — съязвил Благово. — Деньги наши, а указания — ваши. Награды, поди, тоже себе заберете?

Но Обручев только набычился и просипел:

— Награды сперва надо заслужить.

• 2 •

СБОРЫ

Два дня после совещания в Главном штабе ушли у Алексея в непрерывных сборах. Депатрамент полиции не собирался отпускать своего чиновника в командировку за просто так. В сыскное отделение Темир-Хан-Шуры¹ следовало передать целый тюк корреспонденции. Главный документ — «Особый секретный алфавитный список разыскиваемых преступников» — дополнялся опознавательным альбомом с фотографическими портретами злодеев. Плюс — семнадцать циркулярных писем, ре-

¹ Темир-Хан-Шура — столица Дагестанской области (нынешнее название — Буйнакс).

гламент о дознании политических преступлений, анкета к годовому отчету городского полицейского управления, сметная ведомость и даже бланки служебных формуляров... Как будто коллежский асессор едет на Камчатку, а не на обжитый и обустроенный Кавказ!

Более всего Алексея поразило следующее письмо из родного департамента:

«В. нужное.

Экстренно.

Секретно.

Г-ну Полицмейстеру г. Темир-Хан-Шура.

Прошу принять меры к розыску и задержанию бразильского подданного Товия-Альфонса-Касадо Лима, бывшего казначея Манаосской таможни штата Амазонка. Указанный Лима присвоил себе 939 511 мильрейсов 476 рейсов (примерно один миллион рублей) и бежал в Европу. По некоторым сведениям, он мог приехать в южные города России. Приметы...» — и так далее.

Лыков с трудом представил себе беглого бразильского подданного, скрывающегося где-нибудь в Дербенте с мешком загадочных мильрейсов. Куда он с ними, бедолага? В трактире не примут, в гостинице тоже...

Плохие воспоминания пробудило другое письмо департамента:

«Арестантское.

Г-ну Полицмейстеру, всем Исполнительным Чиновникам.